

Преступление без наказания

Автор:

[Светлана Алешина](#)

Преступление без наказания

Светлана Алешина

Папарацци

«...В последнее время достаточно спокойное прозябание Тарасова вдруг было нарушено, если так можно сказать, – но нам, газетчикам, наверное, можно, – целым рядом однотипных и наглых преступлений.

Группа из двух или, по другим данным, из трех человек совершала наглые по своей прямоте и брутальности ограбления обменных пунктов валюты. Все совершалось просто, как в приснопамятных девяностых годах, или примерно так, как показывают нам по телевизору в домотканых боевничках средней паршивости.

Молодой человек заурядной наружности подходил к обменному пункту, наклонялся над окошечком, показывал девушке-оператору пистолет и, не спуская с нее взгляда, выгребал с помощью все той же девушки всю наличность. В описании преступников, – а не следует забывать, что описание давали напуганные женщины, – фигурировали в качестве особых примет такие безусловные и запоминающиеся факты, как «бешеный взгляд», «бандитская рожа», и более общая характеристика, выражаемая термином «сволочь-гад».

Последнее наблюдение было, конечно же, самым ценным и содержательным...»

Светлана Алешина

Преступление без наказания

Глава 1

Много людей на свете, и все они разные. Они-то разные, да мироощущения у них одинаковые; одна я выпадаю из общей массы нестандартностью, оригинальностью и необычностью.

Мне это доказать – раз плюнуть!

Вот все люди, у кого ни спроси, когда начинается, например, весна, что ответят? Правильно, как заведенные, раз и навсегда обученные, отрапортуют: первого марта, вашбродь!

А попробуй спроси, может ли весна наступить в феврале или в июне, так что услышишь в ответ? Услышишь то, что слышать не хотелось бы. А еще хуже будет, когда вообще ничего не скажут, только посмотрят с усмешечкой, и заподозришь, что про тебя люди думают, будто у тебя с крышенцией-то не того. Не в порядке малость.

Я для себя все эти сомнения преодолела, потому что сделала такое открытие, ну прямо такое глобальное и климатообразующее, что даже сама приятно удивилась.

А все началось, как и любое эпохальное дерево-яблочное-по-лбу открытие, с мелочи. На прошлой неделе моя Марина заявила мне, что ей все онастобрындило, и потребовала отпуск.

Кто-то подумает, я сразу же подскочила в кресле, станцевала джигу и прокричала: бери, пожалуйста, и на подольше?

А вот и нет. Я была уже девушкой наученной и опытной. Скуксила физиономию погрустнее и заняла что-то жалобное в стиле Шуберта: на кого ты нас оставляешь, да если не будет тебя, как не впасть в уныние.

Маринка расплылась довольной усмешечкой, потом улыбочкой и потом, махнув рукой так резко, что у меня сердце замерло от недоброго предчувствия, все-таки не сделала гадости и настояла на своем, но крепко пообещала при этом выйти из отпуска на пару деньков раньше. Если получится.

– Вы смотрите, ребятки, не одичайте здесь без меня, – пожелала она напоследок, – а то вернусь через месячишко, глядь, а вы тут по веткам прыгаете и блох друг у друга выкусываете!.. Дрессируй вас потом.

Я промолчала, Виктор – тем более, Ромка выпрыгнул с каким-то никчемным противоречием, на которое, впрочем, никто и внимания не обратил, а Сергей Иванович просто рассмеялся и ответил, как и подобает мужчине и джентльмену:

– Не дождетесь, Мариночка!

Я не зря сделала такое вступление про климат, не зря, потому что вслед за отъездом Маринки я вдруг почувствовала, что наступила весна! Самая настоящая весна! А-ля натюрель, дьябль!

В первый день, придя на работу, не встретив Маринку около кофеварки и зная, что ее сегодня точно не будет, я, прошу прощения, конечно, за такое свинство, расплылась такой улыбкой, и настолько похорошела, и сама себе понравилась – в зеркале проверяла, – и после этого поняла однозначно: весна наступила!

Дни уже не тащились и не тянулись своими тягомотными заботами, все было легко и прекрасно, и я с беспокойством ощущала, что так быть не должно и это неправильно. Все-таки мы с Маринкой подруги с огромным стажем начиная с университета, нельзя, просто нельзя так искренне радоваться ее отсутствию.

Я попробовала пробудить в себе если уж не стыд, то хотя бы совесть. Увы, не получилось.

Пребывая в такой борьбе с самой собой, я бодро и без напряжения работала, чего требовала и от остальных своих друзей и коллег. Тем более что жизнь скучать не давала.

В последнее время достаточно спокойное прозябание Тарасова вдруг было нарушено, если так можно сказать, – но нам, газетчикам, наверное, можно, – целым рядом однотипных и наглых преступлений.

Группа из двух или, по другим данным, из трех человек совершала наглые по своей прямоте и брутальности ограбления обменных пунктов валюты. Все совершалось просто, как в приснопамятных девяностых годах, или примерно так, как показывают нам по телевизору в домотканых боевничках средней паршивости.

Молодой человек заурядной наружности подходил к обменному пункту, наклонялся над окошечком, показывал девушке-оператору пистолет и, не спуская с нее взгляда, выгребал с помощью все той же девушки всю наличность. В описании преступников, – а не следует забывать, что описание давали напуганные женщины, – фигурировали в качестве особых примет такие безусловные и запоминающиеся факты, как «бешеный взгляд», «бандитская рожа», и более общая характеристика, выражаемая термином «сволочь-гад».

Последнее наблюдение было, конечно же, самым ценным и содержательным.

Думаю, понятно, было от чего нашим бодрым представителям власти и внутренних органов потерять покой. После того как преступления не прекратились сами, наша городская милиция начала откровенно нервничать.

После однотипного ограбления трех обменных пунктов были выставлены дополнительные посты у всех оставшихся, но налеты на банковских служащих прекратились. Грабители, очевидно, заранее предугадывая такое развитие событий, что было вовсе не сложно, переквалифицировались на ограбление магазинчиков, торгующих ювелирными изделиями.

Тут-то и было совершено первое убийство. Охранник магазина-салона «Монарх», руководствуясь то ли ошибкой, то ли дурно понятым героизмом, зачем-то попал под две пули. В результате оставил вдовой жену, детей сиротами, а витрины в магазине все равно были обчищены.

Нападавших на магазин было двое, что зафиксировала камера наблюдения, установленная над входом в магазин. Все дело заняло у грабителей три минуты двадцать секунд, и, выскочив из магазина, они свернули в проходной двор и

уехали на поджидавшей их машине. Это было второе косвенное доказательство, что в банде три человека.

Наша газета, как и все средства информации города, освещала и описывала эти события, помещала на своих страницах фотографии ограбленных обменных пунктов и разгромленных магазинов. Все было как у всех, и мне это нравится не могло. Наша газета, специализирующаяся на жареных фактах, на сенсациях, на собственных расследованиях, вдруг оказалась в общем потоке и не вырывалась из него, а иногда и отставала, потому что издания городской и областной администраций получали информацию самую свежую из максимально информированных источников.

Все это не могло не огорчать меня, и настроение, так славно поднимавшееся после отъезда Маринки, начинало портиться. Не нравилось мне такое положение вещей, но сделать я ничего не могла: не было источников, не было информации, и как назло ничего больше не случалось, достойного внимания и опубликования. А колонка криминальных сообщений с перечислением героических буйств алкашей в Затоне или на Верхнем рынке, вызывала у меня изжогу. Хотя и об этом, конечно же, нужно было печатать материалы.

Однако, скажу честно, сама я эту колонку не читала почти никогда. Слишком уж однотипны были бытовые преступления наших граждан, совершенные под правильным алкогольным градусом.

Сегодня, придя на работу, прослушав все новости по радио, прочитав сводки новостей в Интернете, я отвернулась от монитора и подумала, что дальше так продолжаться не может. Приходилось вытаскивать из своих записок давно приготовленные «рояли» и ставить их в кусты.

Повертев в руках авторучку, я почти приняла решение, что пора мне идти в народ и добывать репортажи.

Быстренько набросав список адресов возможных рейдов, начав его с подпольного публичного дома в гостинице «Московская» и закончив СИЗО в 1, отбросив в сторону авторучку, я вышла из кабинета в редакцию, держа в руке план действий.

В редакции все было на своих местах, все крутилось и работало, но радости от сознания этого мне не доставляло.

Сменив Маринку на важнейшем посту секретаря и главного смотрителя кофеварки, Ромка при моем появлении в редакции, как оказалось, усердно перетирал бокалы и блюда, очевидно, готовясь к обеду.

Я быстро отвернулась, чтобы не смущать мальчишку, потому что боялась рассмеяться: уж слишком забавным было его лицо.

Виктор – наш фотограф и мой дежурный бодигард – находился в своей фотолаборатории, а вот Сергей Иванович Кряжимский, старейший и опытнейший член нашего коллектива, отвернувшись от компьютера, нахмурившись и сосредоточившись, сидел над маленькой шахматной доской и переставлял фигурки, недобро поглядывая при этом на свои часы.

Заинтересовавшись происходящим, я подошла к нему.

– Задачку решаете? – спросила я. – Мат в три хода, но белым нельзя убивать черную пешку?

– Нет, Оленька, хуже, – мрачно проговорил Сергей Иванович, – положение мое гораздо хуже. Я осваиваю современные шахматы.

– Вот как! – теперь уже я заинтересовалась еще больше. – А чем же они отличаются от нормальных? То есть я хотела сказать от старых, обычных? У них лошадь не так ходит?

Сказав «лошадь», а не «конь», я с довольной улыбкой увидела, как Сергей Иванович куснул губы и запрограммированно начал мне объяснять, как правильно называть фигуры в шахматах, а как неправильно.

– «Конь», а не «лошадь», Оленька. А еще «ферзь», а не «королева», а также «слон», а не «офицер», – Сергей Иванович высказал мне все это на полном серьезе, думая, что занимается моим образованием.

– Рокировка, а не лакировка, – поддержала я его, – шах – не титул, а угроза мата, а сам мат – не ругательство, а полный бенц. Так чем же новые шахматы отличаются от старых?

– Временем, Оленька, – вздохнул Сергей Иванович, – только временем. В современные шахматы играют быстрее, чем в привычные наши. И куда торопиться? Все там будем! Эндшпиля никто не минует.

– Оптимистично звучит! – одобрительно кивнула я. – Прямо жить сразу захотелось. Так, значит, никто не минует?

Я повернулась к окну и подумала, чем бы мне еще заняться. Разговор с Сергеем Ивановичем побудил меня сделать вывод, что его лучше сейчас не трогать и не советоваться с ним о будущих публикациях и рейдах по значным местам. Похоже, он сам себе проигрывает в современные шахматы, и это его огорчает. Нашел, кстати, чем огорчаться! Вот если бы он Маринке проиграл или Ромке, тогда было бы все понятно, а себе проигрывать не стыдно, можно сказать даже, почетно!

Я молча постояла у окна и направилась к себе в кабинет.

Через несколько минут, осторожно постучав в дверь, чего никогда не делала Маринка, ко мне зашел Ромка.

– Кофе принес, о недостойный последователь нашей Марины? – спросила я.

Ромка, научившись варить кофе так, будто с рождения только этим и занимался, вел себя на порядок скромнее и незаметнее. В этом смысле он мне нравился больше Марины, что я и не скрывала.

Однако Ромка на этот раз был без подноса. Он мялся около двери и что-то порывался сказать, но, так как сделать это почему-то не решался, следовательно, сделала я вывод, проблема касалась его лично.

Осознав это, я с недоумением взглянула на парня. Подозревать, что Ромка решился объясниться мне в любви, было вообще-то глуповато, но, честное слово, кроме этого, других объяснений я придумать в первые секунды не могла.

– Что-то случилось? – спросила я, на всякий случай отклоняясь так хитро, чтобы между нами оказался монитор моего компьютера. Классное ощущение, между прочим. Сидишь словно за пулеметом. Вот – ты, а там – весь остальной мир, и я его излучением, излучением...

Вспомнив про излучение, я кашлянула и махнула Ромке рукой:

– Ну, ты определяйся давай – или туда или сюда.

Ромка потоптался и, набравшись таким способом героизма, проговорил:

– Ольга Юрьевна, а можно я вас о чем-то попрошу?

– Попросить-то можно, – весело ответила я, – а вот получить, пока не знаю. Что у тебя случилось? – повторила я и обнадежила Ромку: – Подходи сюда, я не кусаюсь. Сегодня магнитная буря, и я не в форме.

Ромка подошел к моему столу, зачем-то воровато оглянулся на дверь, чем уже возбудил мое любопытство, и, наклонившись ко мне, быстрым шепотом проговорил:

– Один мой знакомый хотел бы с вами переговорить, Ольга Юрьевна.

– Один твой знакомый? – переспросила я. – Ты не шепчи и садись на стул. К чему такие детективные замашки?

Ромка сел, а я спросила:

– Одноклассник твой, что ли? Или кто? И что ему нужно? – задавая кучу вопросов, я самым бессовестным образом выигрывала время, пытаюсь сообразить, что же понадобилось Ромке или, точнее говоря, его знакомому. Я как-то давно уже не задумывалась, а есть ли у него хоть какие-то знакомые, кроме нас, работающих в редакции.

Я почесала кончик носа и резонно решила, что: раз он говорит о них, значит, знакомые точно есть.

– Ну так о чем идет речь? – подтолкнула я Ромку к изложению проблемы, даже приблизительно не предполагая, о чем может идти речь. Может быть, он хочет кого-то порекомендовать нам вторым курьером? Однако, как я понимаю, у нас и один курьер, он сам то есть, не переламявается от работы.

Ромка кашлянул для храбрости и начал коряво, волнуясь и краснея, излагать.

– Он уже взрослый, Ольга Юрьевна, – сказал Ромка, и я с удовольствием отметила это слово. «взрослый»! Понятно, кем себя считает сам Ромка, и правильно, между прочим, его-то самого к взрослым можно будет отнести только через несколько лет, если поумнеет, конечно.

– Где же ты с ним познакомился, если он такой взрослый? – поощрительно улыбаясь, спросила я.

– Его брат учился вместе со мною, так что я его давно знаю. – Ромка жестоко почесал себе шею, добавив тише и доверительнее:

– Только у него биография не совсем того... чистая.

– Это как же понимать? Чем он ее запачкал? – начала интересоваться я разговором.

Если раньше ничего, кроме ерундовой просьбы, я не ожидала, то, как мне подсказывало чутье журналиста, сейчас передо мною замаячило что-то вроде малюсенькой статейки на половину подвальчика.

– Ромка! Не тяни, рассказывай, рассказывай! – поторопила я нашего сына полка.

– Понимаете, Ольга Юрьевна, – решился Ромка, но на всякий случай опустил взгляд, – он, ну то есть брат моего одноклассника, когда-то получил три года за вооруженное ограбление и отсидел, значит.

– Три года за вооруженное ограбление? – повторила я, понимая, что предчувствие меня не обмануло и статейка точно выгорит, только надо будет ее еще высидеть, ну да за этим дело не станет. – Немного же он нагребил, этот твой взрослый знакомый, если так мало дали!

Я закурила и, видя, что Ромка снова засмутился, спросила:

- Так что же от меня хочешь твой налетчик? Еще кого-нибудь ограбить? Меня, что ли? Так с меня брать нечего.

- Зачем вы так, Ольга Юрьевна? - явно оскорбился Ромка за своего знакомого, и я, поняв, что перегнула с ненавязчивым юмором, поспешила на попятный. - Извини, Рома, но ты говоришь такие необычные вещи... Так что же от меня требуется? Он к нам на работу хочет устроиться?

- Понимаете, Ольга Юрьевна, он хочет с вами поговорить! - выпалил Ромка.

- Прекрасно, - сказала я, все еще ничего не понимая, - пусть приходит. Он, надеюсь, отсидел только три года не потому, что убежал и сейчас находится в розыске?

- Нет, нет, он попал под амнистию, - покраснев от волнения, сказал Ромка, - но, понимаете, сам он прийти не может. Я сейчас вам все объясню, то есть как он мне объяснил, а я ему верю. Его в последнее время стали зажимать менты, ну, то есть органы...

- Поняла, - кивнула я.

- Из-за этих налетов, - пояснил Ромка, - кассы брали, а потом охранника убили, ну вы знаете. А он по похожему делу проходил, и теперь его постоянно вызывают и проверяют, берут показания.

- Ну-ну, - я начала подозревать, что неизвестный мне бывший грабитель решил обратиться к свободной прессе за защитой своих прав и достоинств. Мысль эта меня и заинтересовала немного, и чуть рассмешила.

- Ну вот, - продолжил Ромка, - а вчера вечером он пришел ко мне и по секрету сказал, чтобы я вам передал, что он может кое-что рассказать про эти дела. Ну, про ограбления, значит.

- Его работа? - прямо спросила я. - Колись, время пришло!

- Нет, не его! - твердо заявил Ромка и взглянул мне в глаза.

- А ты откуда знаешь? - я положила сигарету в пепельницу и сама наклонилась вперед, решив раскрутить Ромку на весь максимум информации, какой только будет возможен. Дело уже пахивало не статейкой, а полным подвалом, да еще, возможно, и с продолжением.

- Он сам так говорит, - Ромка недоуменно посмотрел на меня, словно удивляясь моей непонятливости, - мы же с ним знакомы... мы знакомы... Ого! Десять лет! Вот сколько!

- Довод сильный, - чуть ли не восхитилась я, - но давай-ка поподробней, а? Мне надоело тебя подгонять.

- Ну получается так, Ольга Юрьевна, - начал Ромка, торопясь и сбиваясь, но все же стараясь говорить как можно подробнее. - Вчера пришел ко мне этот одноклассник Алешка и позвал к себе, сказал, что по очень важному делу. Я собрался и пошел. А дома у него его брат. Его зовут Константин. Он стал спрашивать про нашу газету, он много ее номеров прочитал. Ну а потом рассказал, как его, значит, стали таскать по ментовкам, ну то есть...

- Да поняла я уже все, поняла давно, ты давай к сути переходи! - прикрикнула я. - А то ты никогда так и не закончишь!

- А все! - сказал Ромка и вытаращил на меня свои честные глаза.

- Да ты же ничего еще не сказал! - возмутилась я. - Все, что я слышала, было преамбулой, давай наконец амбулу, где она?!

- Константин сказал, что ему известно, кто все это делает, но в милицию он обращаться не хочет, потому что... ну потому что не верит им. А вам он скажет, потому что верит...

- Мне лично? - улыбнулась я.

- Газете, - поправил меня Ромка. - Он думает, что если в газете напишут про другую какую-то версию, то менты просто обязаны будут начать ее

расследовать.

– Не факт, – сказала я, – а вот то, что на нас наедут и начнут трясти, как кого не скажу, это факт, а даже не предположение.

Ромка замолчал, глядя на меня, замолчала и я, постукивая пальцами по столешнице.

Ромкин рассказ заинтересовал меня и озадачил, в чем признаюсь без сожаления. Предположение, что можно будет самостоятельно раскрыть ряд преступлений, совершающихся в городе, было слишком аппетитным, чтобы оказаться реальным, но чем черт не шутит...

Подумав и переварив полученную информацию, я решила, что ничего не потеряю, если встречу с этим Костей и переговорю с ним лично. В конце концов никогда не знаешь заранее, где найдешь полезную для газеты информацию. Даже сама история Константина, рассказанная просто, как пример работы наших внутренних органов, тоже сама по себе была неплохим материалом.

– Я только не поняла одного, – сказала я. – Почему он сам не может ко мне прийти? Ты же так сказал, да? Так почему не может? Здесь вполне уютно и очень неофициально.

– Он опасается, что за ним могут следить, – сказал Ромка.

– Как-то странно. Если за ним могут следить, так, значит, могут подозревать, что он кому-то расскажет о том, что знает. Его знание само по себе уже опасно. Поэтому для тех, кто опасается, его проще убить, чем тратить время и нервы на слежку. Логично?

– Наверно, – поосторожничал Ромка.

– Что «наверно»? Бандиты убили охранника и показали этим, что для них жизнь человеческая ничего не значит, а ты говоришь: «он опасается!» – возмутилась я. – Не вяжется что-то в твоём рассказе, опасаясь я. Не вяжется.

– Он никуда из дома не выходит, а к брату зашел, так это потому, что это брат, и подозревать тут нечего. К тому же они живут рядом. А мы подъедем как будто в гости. Кто что заподозрит?

– Чушь какая-то, – пробормотала я, – либо твой Константин немного не в себе, либо сегодня первое апреля. Сегодня первое апреля?

– Нет, Ольга Юрьевна, – ответил Ромка, – а Константин совершенно нормальный, только мне показалось, что он...

– Был пьяный? – понадеялась я.

– Нет, мне показалось, что он был напуган. Знаете, так странно: вроде взрослый совсем, а видно, что боится. Он попросил не выходить вместе с ним и окно занавесить. А еще у него с собою был пакет с буханкой хлеба. Он так старательно маскировался – типа за хлебом пошел и к брательнику заглянул.

Я тяжело вздохнула. Легкое настроение, появившееся было у меня в начале Ромкиного повествования, теперь сменилось какой-то необъяснимой тоской. Если раньше я думала о статье для газеты, то сейчас о том, что не придется ли мне вызывать «Скорую» из психлечебницы во время визита к Константину или просто отбиваться от психопата?

Первый вариант мне понравился больше. Однако всегда оставался шанс, что именно в этом болоте и именно в такой непутевой упаковке может быть скрыто что-то ценное. Сочинил же дедушка Крылов басенку про петуха, нашедшего в кашке жемчуг! Или это Эзоп придумал? Одним словом, и такое в жизни возможно.

– Ну что ж, Рома, – обреченно сказала я, – уболтал ты меня. Поедем, посмотрим и послушаем, а потом и выводы делать будем.

– Сегодня? – спросил Ромка.

– Что сегодня? – удивилась я. – Константин твой настаивал на срочности?

– За ним же следят, – напомнил мне Ромка.

– Значит, можно и сегодня, – кивнула я, бросив быстрый взгляд на свой ежедневник, хотя точно знала, что сегодня вечер у меня свободный. Как, впрочем, почти всегда. – Ты будешь звонить своему Константину?

– Он сам мне обещал позвонить и узнать о результате, – ответил Ромка.

– Можешь говорить смело, что результат положительный, – подвела я итог разговору.

До смешного радостный Ромка выскочил из кабинета, оставив меня в задумчивости по поводу сегодняшнего вечернего мероприятия.

Я посмотрела на часы и, обдумав возможные варианты встречи, начала собираться на нее, как Шварценеггер на очередной героизм... Только тот обвешивался базуками и прочими автоматами, у меня же оружие было другое.

Первым делом я проверила, как работает мой портативный диктофон, и заменила в нем батарейки. Затем, посмотрев, сколько кадров осталось в заряженной пленке, и решив, что имеющейся половины мне хватит, положила его рядом с диктофоном на стол. Блокнот, авторучка и пачка сигарет с зажигалкой довершили натюрморт.

Окончив приготовления, я нажала кнопку селектора и пригласила к себе Виктора. Виктор мне ничего не ответил по своей привычке, но каким-то отработанным шестым чувством, или, выражаясь проще, привычным навыком общения с ним, я поняла, что Виктор меня услышал и сейчас придет.

Так и получилось. Я не успела еще закурить, как дверь отворилась и показался он.

– Сегодня будет дело, – коротко сказала я.

Мерзопакостная привычка Виктора молчать всегда и по всякому случаю заставляла и меня говорить кратко и четко, насколько это, конечно, получалось.

– Ромка нашел какого-то знакомого с уголовным прошлым. Тот хочет нам слить информацию про последние грабежи и убийства. Не знаю, сколь все это

серьезно, но лучше отнестись к этому как следует. Мне кажется, твое общество мне не повредит. А вот отсутствие его повредить может. Хочу тебя попросить прокатиться со мною. Ну все, в общем, как обычно. Только без Маринки, но зато с Ромкой.

Как всегда, выслушав меня молча, с отсутствующим выражением лица, Виктор кивнул, что означало его заступление на вахту по охране жизни, чести и достоинства моей персоны. И я теперь была спокойна.

– У меня пока все, – сказала я, и Виктор, снова кивнув, вышел и тихо прикрыл за собою дверь.

После его ухода я заметила, что не чувствую некоторого неудобства от того, что не спросила о его собственных планах на этот вечер и о том, хочется ли ему вообще катать по городу в разных направлениях свою бессовестную начальницу.

Свинская радость по поводу отъезда Маринки и переживания на тему этой радости совсем заглушили во мне все остальные, более слабые чувства.

Глава 2

Незадолго до окончания рабочего дня зашедший ко мне Ромка сказал, что Константин дозвонился, с ним все договорено, и он нас будет ждать сегодня к восьми вечера у себя дома.

– Где он живет? – спросила я.

– Около Верхнего рынка в частном доме, – ответил Ромка. – Там можно почти к самому дому подъехать на машине. За домом уже идет дорога к объездной, но с той стороны подъезда нет. В смысле подхода.

– Твой Константин живет в Шанхае, что ли? – сразу поняла я.

– Ага, – ответил Ромка, – там.

Шанхаем у нас в Тарасове называется поселок частных домов, разросшийся еще в хрущевские или даже более ранние времена до таких головокружных лабиринтов, что без надежного проводника там можно было заблудиться навсегда. Роль Минотавра в этом лабиринте играли бандитские шайки местных малолеток, что, наверное, было пострашнее Минотавра, тот хоть по своему лабиринту бегал в одиночестве. Замечание Ромки о трассе говорило о том, что дом Константина находится в относительной доступности. Это было приятно, но не более того.

Мы с Виктором и Ромкой отъехали от здания редакции в самом начале восьмого. Добираться недалеко, поэтому мы еще успели выпить перед отъездом по чашке кофе.

Ромка заметно волновался. Он чувствовал себя непривычно взрослым и солидным. Еще бы! Вез свое руководство на деловую встречу, которую сам и организовал! Было от чего понервничать мальчишке. После получасового петляния на моей «Ладе» по Шанхаю мы сумели подъехать к старому деревянному дому, около которого Ромка сказал нам остановиться.

– Приехали, что ли? – спросила я, оглядывая неприветливые пейзажи все более в грязно-серых тонах. Единственным ярким мазком на этом полотне жизни была метавшаяся по дороге рыжая шавка, сразу же нас облаявшая и на всякий случай спрятавшаяся под забором.

Сбоку от ближайшего деревянного дома виднелся узкий проход между двумя покосившимися заборами. Там, в глубине этого коридора, проглядывался двор, где на прогнувшихся под тяжестью веревок повешенное на них белье мерно покачивалось над помойкоподобной клумбой. Цветниками в этой клумбе служили старые автомобильные покрышки, игриво крашенные блеклой краской разных тонов, но все того же рыже-собачьего цвета. Оптимизма все это не внушало никакого. Не знаю, как моим спутникам, а мне захотелось поскорее развернуться и уехать отсюда. Кажется, ясно почему.

– Нужно пройти во-он туда, Ольга Юрьевна, – Ромка махнул рукой как раз в сторону заинтересовавших меня клумб, – Константин живет там.

– Приятно слышать, – сухо ответила я и первой вышла из машины.

Виктор тщательно запер «Ладу», проверил, как у него это получилось, и, пропустив нас с Ромкой вперед, замыкал наше шествие вдоль двух заборов.

Блин, ну куда только не забрасывает и не засовывает меня журналистская работа!

Попав во двор с клумбами и сумев как-то при этом нигде не испачкаться, мы, лавируя между простынями и наволочками, пробрались к одинокому домику-крошечке в два окошечка. Домик был маленький, какой-то словно приплюснутый и сверху, и с боков.

Ромка, подойдя к входной двери, приподнятой над землей на две ступеньки, стукнул в нее каким-то неуловимо замысловатым образом.

– Это код, – обернувшись, шепотом объяснил он и, услышав шаги за дверью, проговорил громче и веселее: – Константин, принимай гостей! Это Ромка пришел!

Дверь отворилась в несколько приемов, скребя и по полу, и по перемычке, словно она разбухла и просела от старости, хотя, может быть, так оно и было, и на пороге показался согнувшийся под низким потолком сеной худой, коротко стриженный парень.

– Привет, – сказал он, – заходите.

После этих слов парень повернулся и пошел в дом. Открыв там вторую дверь, он не стал закрывать и ее. Надо думать, чтобы мы не заблудились.

Я замешкалась перед крыльцом, и Ромка, правильно меня поняв, не стал изображать из себя благовоспитанного юношу и пошел первым.

После темной и тесной прихожей с ужасающе низким потолком вторая комната оказалась вполне приемлемой, даже почти приличной.

Она, конечно же, не потрясала размерами, но представляла собой обычную комнату, эдакую большую кухню, мечту всех хозяек. Раковина с почти современным краном, а не с допотопным рукомошкой висела слева, газовый

котел стоял справа. Прямо у противоположной входу стены стоял круглый деревянный стол, зачем-то выкрашенный коричневой краской; слева от него – такой же крашенный старинный буфет, а слева от стола – разложенный двуспальный диван.

Справа в стене, между котлом и буфетом, находилась закрытая грязноватая белая дверь, ведущая, очевидно, в маленькую комнату или кладовку.

Я бы сказала: все здесь было простенько, но уютно. Два стула около стола довершали впечатление сохраненной уютности.

Приятель Ромки Константин оказался высоким костистым парнем приблизительно тридцати лет. Он выглядел как раз так, как и должен выглядеть человек, однажды попавший в тюрьму и навсегда оставшийся в ней. В душе, конечно.

Он был очень коротко стрижен, сутул, с быстрым взглядом исподлобья. Пальцы его рук были разрисованы перстнями, а одет он был в безобразную теплую клетчатую рубашку: что-то темное с чем-то светлым. «Немаркое» – как говорят в народе.

– Ну заходите, не стесняйтесь, гости дорогие, – тихим хриловатым голосом произнес Константин, – присаживайтесь куда вам удобно. Чаю хотите?

– Нет, спасибо, – за всех ответила я и, оглянувшись, обнаружила слева от двери вешалку. Я повесила туда плащ, взяла с собою сумочку и прошла за стол.

Я села на диван с таким расчетом, чтобы сумки, лежащей на коленях, не было видно. Достав из нее пачку сигарет и зажигалку, я прощупала диктофон и попросила разрешения закурить.

– А без проблем, – быстро ответил Константин, возвращаясь в прихожую и запирая там дверь на засов. – Курите что хотите, у меня здесь порядки простые, пацанские, все ништяк и без понтов.

Я поняла, что курить можно и хозяин гостей любит, кивнула и закурила.

Вернувшийся Константин поставил передо мною пустую банку из-под шпрот, как видно, давно уже привыкшую быть пепельницей, и тут Ромка, стоящий у серванта, пробормотал:

– Ну в общем, Константин, это вот Ольга Юрьевна, а это Виктор. Ольга Юрьевна, она у нас главный редактор, я тебе рассказывал, а Виктор фотограф и классный па... человек.

Константин задумчиво посмотрел на меня, потом более внимательно на Виктора и, наконец-то решившись принять нас без дальнейших расспросов, пододвинул себе стул и сел напротив меня.

Мне это было очень удобно. Я скользнула пальцами к диктофону и нажала кнопку, одновременно с этим кашлянув, чтобы заглушить щелчок.

– Извините, дымом поперхнулась, – по-простому объяснила я, и в глазах Константина мелькнуло одобрение, и внешне он как-то расслабился. Вот так одним покашливанием я убила двух зайцев сразу: незаметно включила диктофон и дала понять нашему хозяину, что я нормальный человек. Хотя, как было видно по его домику, таких дам, как я, здесь не бывало. Да и не будет никогда, это-то понятно.

– Вы хотели со мною переговорить, Константин, – сказала я, – слушаю вас.

– Есть такое дело, – сказал Константин. – Понимаете, может быть, все это и будет странно звучать, но дело в том, что я в завязке и не хочу больше чалку надевать. Мне одного раза хватило вот – по самое. Не хочу!

– Ну почему же странно, – ответила я, – по-моему, это нормальное желание – не хотеть больше в тюрьму. А для этого достаточно не совершать правонарушений.

– Неправильно понимаете, – усмехнулся Константин. – Чтобы не залететь, достаточно быть осторожным. Газеты-то читаете? – Константин словно продолжал со мною дискуссию, начатую с кем-то накануне.

– Бывает, – призналась я, пока еще не понимая, к чему он клонит.

– А, ну да, вы же их пишете, – вспомнил Константин. – Так вот, по статистике, по честной то есть, а не по этой, ментовской, раскрываемость преступлений не доходит до половины. Так что выгодно нарушать закон, и можно это делать всю жизнь и числиться в нормальных гражданах. Но я не хочу всего этого. Вот так!

Константин постучал ребром ладони по столу.

– К тому же по новому кодексу лоб уже зеленкой не намажут, так что жить можно. Везде люди живут.

Константин опустил голову, подумал и продолжил:

– Короче, завязал я, но не все в это верят. Многие пацаны думают, что я просто замерз.

– Простите? – переспросила я.

– Ну, дурочку канаю, притворяюсь то есть и готовлю дело. Но это не так. Но людей ведь не убедишь, что ты не верблюд!

Я понимающе кивнула. С последним тезисом я была согласна, а насчет всего остального пока, говоря родным языком Константина, была в непонятках и не в курсах.

– А короче, подкатывает ко мне как-то один приятель. Он у нас каптером был, мы с ним случайно встретились, потом, еще короче, он предлагает мне работу. Начал расписывать прямо, как Пикассо, мол, все будет в ажуре и бабок полный карман. Я сперва-то и не понял, о чем идет речь, а потом слышу, раз налет, два, потом магазин этот и встречаю снова этого дурика, а он уже приподнятый такой и пачкой денег трясет перед мордой, значит. Снова начал фаловать и намекнул, что это их работа. Ну а я отказался.

– А вы правильно его поняли? – спросила я. – Или, может быть, он шутил или говорил вообще про другое?

– Он прямо в цвет говорил, – повторил Константин, – описал даже, как они в магазине работали. И не мог все поверить, что я больше не хожу по этому

коридору. А потом, когда понял, предупредил, чтобы я никому ни-ни. Ну вот, в общем.

Константин порылся в кармане брюк и достал из них мятую пачку «Примы». Я протянула ему зажигалку, и он прикурил, наклонив голову и сложив ладони так, словно находился на улице и под сильным ветром.

– Спасибо, – сказал Константин, передавая мне зажигалку. – А потом менты начали кипешиться. Ну что они могут? Участковый приходил раз пять, гнида мразотная, соседей опрашивал, меня все колол. Потом вызывать начали. Я-то уже паленый, значит, по-ихнему, первый кандидат, если не найдут настоящих-то. Я как это понял, мне так хреново стало. Они, козлы, значит, меня за человека не считают, чтобы свои задницы прикрыть и показать, что раскрыли дело, готовы меня снова приземлить на зону, а я почему терпеть должен?

Константин разволновался, вскочил со стула и начал ходить по комнате, резко взмахивая руками.

– Я пару раз ездил к Юрику, он перекрывается сторожем на стройке. Он вроде как понял и по своим каким-то делам решил отойти от дела. Но меня все равно крепко взяли. А к ментам запахло прийти на бровях, все-таки Юрик свой парень. Вот я и подумал, что если вы начнете печатать статьи, типа что не нужно всех бывших хватать и заставлять их признаваться в том, чего не делали, то менты прислушаются. Я вот НТВ смотрю, вижу, прокуратура давит на них, а сама в своих силах не уверена. Они же всегда так: чем меньше уверены, тем больше давят. Закон такой есть, вот они по нему и работают...

Слушая рассказ Константина, я напряженно думала, переводя его на нормальный язык и пытаюсь понять, чего здесь было больше: правды или правдообразных фантазий. Ведь вполне возможно, что первая половина рассказа Константина была правдой, а вторая – попыткой как-то избавиться от пристального внимания правоохранительных органов.

– Кроме того, – продолжал Константин, – Юрик, ну мой товарищ, он на самом деле участвовал в этих делах и хочет теперь отстать, но попробуй скажи это ментам! – Константин вытаращил на меня глаза. – Ты вот попробуй и узнаешь, что они тебе скажут! А скажут: пусть сидит! А я с ним поговорил, и, когда предложил про газету, он сразу ухватился, потому что его подельник решил

продолжать работать, он полный отморозок. Его даже сам Юрик побаивается. Подельник на самом деле опасается, что его могут грохнуть. Да и сам я тоже начал осторожничать, знаете же: береженого бог бережет!

Я переглянулась с Виктором. Ситуация прояснялась, но проще от этого не становилась. Более того, я оказывалась в двусмысленном положении: точка зрения Константина, по которой выходило, что все люди, само собой разумеется, находятся в оппозиции к внутренним органам и должны помогать другу другу на этом поприще, мягко говоря, не соответствовала моей. Однако еще предстояло разобраться в этой истории окончательно. Какие-то сомнения по поводу рассказа Константина у меня оставались.

– Вы дадите мне адрес вашего Юрия? – спросила я, аккуратно кладя докуренную сигарету в банку из-под шпрот.

– Конечно, секретов нет.

Константин легко поднялся и, подойдя к буфету, долго искал на нем то ли лист бумаги, то ли ручку, а может быть, и то и другое одновременно.

Я вынула из сумки блокнот с авторучкой и приготовилась записать адрес.

– А, у вас есть чем писать, – проговорил Константин, – ну так где он живет, я не знаю.

Я удивленно взглянула на него.

– Он не местный, не тарасовец, хату снимает у кого-то, где ж еще. Но я знаю, где он сторожит. Там мы с ним постоянно и встречались.

– Это где? – спросила я. Замечание про незнание адреса мне не понравилось. Показалось, что вся история начала отдавать каким-то водевилем. А может быть, Константин просто немного, того... фантазер?

– Так объяснить сложно, – Константин помучился с ручкой и с силой потер себе лоб, словно вручную помогая головному мозгу соображать, – ну, в общем, так, проехать к нему на работу несложно. Это в районе стекольного завода, почти

напротив второй проходной был пустырь. Так вот теперь там выстроили длинную такую халабуду девятиэтажную. Юрик ее и охраняет.

Я взглянула на Виктора, он кивнул, давая понять, что объяснения понял.

- Девятиэтажка напротив второй проходной, - повторила я.

- Ну да, а там больше и нету никаких новых домов, все хрущобы стоят панельные. А это единственный кирпичный дом, к тому же в девять этажей. Заблудиться невозможно.

- Попробуем найти, - сказала я, убирая обратно в сумку непригодившийся блокнот.

- А знаете что! - вдруг просветлел лицом Константин. - Если у вас есть типа желание или время, мы можем это сделать прямо сейчас. Без проблем!

- Почему бы и нет? - вслух подумала я, решив, что, безусловно, лучше будет сразу разобраться во всей этой истории, чем откладывать на потом и нервничать, прикидывая, что было здесь правдой, а что нет.

- Ваш Юрий работает так поздно? - спросила я немного невпопад.

- Для него это рано, - усмехнулся Константин. - Он же сторожит, я говорю про эту новостройку. Построили такую китайскую стену в пятнадцать подъездов, и заселение уже намечено на следующий вроде месяц, а там еще конь не валялся и недоделок до х... куча... большая. Много чего недоделано, вот.

- Значит, едем сейчас, - решила я, на всякий случай взглянув на Виктора.

Виктор посмотрел на меня, и, как сказал классик, «на челе его высоком не отразилось ничего». Это означало, что у Виктора сомнений в правильности моего решения не было и непосредственных угроз он пока не видел.

- Ну тогда я буду собираться, да? - сказал Константин и встал из-за стола.

- Если вы не передумали ехать, - сказала я.

– Нет уж, не передумал, – упрямо повторял Константин, – даже лучше будет, если вместе поедем, Юрик поймет, что вы не левые какие-то там, а нормальные люди. Со мной лучше...

– Я сейчас соберусь, я быстро, – сказал Константин и, подойдя к открытой белой двери справа от буфета, открыл ее и вошел в другую комнату, прикрыв за собой дверь.

Чтобы размяться, я встала со стула, снова заметив, какой же здесь низковатый потолок, и направилась к двери, чтобы выйти на улицу. Диктофон я выключила, решив, что Константин выдал весь пласт информации, которым владел, и нового больше ничего не скажет.

Героически молчащий Ромка потопал следом за мной, Виктор начал приподниматься, и тут мы все услышали, как в соседней комнате что-то упало.

Я покачала головой, удивляясь неуклюжести мужчин.

– С тобой все нормально? – крикнул Ромка и шепотом добавил: – Это он, наверное, носки уронил.

– Фи, юноша, – поморщилась я, – не пытайтесь шутить, а то пошлость получается.

Я снова повернулась к выходу, но тут же взглянула на Ромку.

– Он тебе ответил? – спросила я, кивая на дверь.

– Не-а, – Ромка удивленно взглянул на меня и подошел к двери, за которой скрылся Константин.

– Костя? Что у тебя там? – крикнул Ромка. – Челюсть, что ли, уронил? – не выдержал он и снова попробовал пошутить.

Константин и на этот раз не ответил.

Тогда Виктор, быстро подойдя к Ромке, рукой отодвинул его и, стукнув в дверь один раз, сразу же отворил ее.

– Что там? – спросила я, стараясь заглянуть в комнату, но не подходя ближе. Пока мне еще не было все это остро любопытно.

Виктор молча заскочил в комнату. По его резким движениям я поняла: что что-то произошло.

Заглянувший в комнату Ромка бросил на меня испуганный взгляд. Я быстро подошла.

Константин лежал на полу. На боку. Неестественно прямо вытянув вперед правую руку, его левая сжимала захваченный угол простыни, сдернутый с узкой кровати при падении.

– Ох! – только и прошептала я, прислоняясь к косяку.

Виктор, присев около Константина на корточки, приложил к его шее ладонь.

– Что? Что? – громким шепотом спросил Ромка.

Я осмотрела комнату. Здесь было единственное окошко, закрытое снаружи ставнями, и еще одна невысокая дверь. Она была полуоткрыта. Даже непонятно было, куда могла вести эта дверь в таком небольшом домике.

Виктор прыжком вскочил на ноги, подбежал к этой двери и резким ударом ноги распахнул ее.

Я увидела миниатюрную кладовку с полками и банками, но легкая деревянная стена кладовки справа была проломана. В ней зияло отверстие, достаточное для того, чтобы в него пролез взрослый человек. Сквозь отверстие была видна дорога с катящимися по ней автомобилями.

Ромка наклонился над Константином.

– Что? Он жив? – спросила я безнадежно, понимая, какой последует ответ.

– По-моему, нет, – тихо ответил Ромка.

Виктор взглянул на меня, возвращаясь к Константину.

– Застрелили, – сказал он.

– Нужно звонить, – проговорила я, доставая из сумки телефон.

В этот момент мне послышалось или показалось какое-то движение в кладовке, и я, сделав шаг туда, посмотрела на заставленные всякой ерундой полки и, развернув сотовик, повернулась к кладовке спиной.

Тут же я получила сильнейший удар в спину, толкнувший меня прямо на Виктора. Сотовик упал на пол, и я очень изящно приложилась по нему ногой, продолжая падать.

Я могла успеть только крикнуть что-то вроде «А-а-а!», что и сделала.

Виктор подставил руки и сумел поймать меня. Ромка предусмотрительно шарахнулся в сторону, стараясь никому не мешать – ни мне падать, ни Виктору ловить меня.

– Он был здесь, гад! – крикнул Ромка, махая рукой в сторону кладовки.

С помощью Виктора я приподнялась, но никого уже не увидела.

– Сиди здесь и звони в милицию! – крикнула я Ромке, совсем позабыв о печальной судьбе своего сотовика.

Виктор выскочил в кладовку первым, я ринулась за ним, и так резво это у меня получилось, словно делать мне больше было нечего или я всю жизнь бегом занималась на какие-то там дистанции.

Выбравшись на улицу, я оказалась на краю дороги, выдергивая на ходу из сумки фотоаппарат.

Виктор пробежал на пару шагов дальше меня вправо и, похоже, увидел больше моего, потому что резко свернул и бросился на дорогу, буквально наперерез желтым «Жигулям», мирно катившимся в сторону центра города.

«Жигули» вильнули влево, водитель истерично засигналил, но Виктор не обратил на это внимания.

Тут-то, проследив за ним взглядом, я увидела заскакивающего в серую «Волгу» мужчину.

Быстро поднеся к глазам фотоаппарат, я сделала два снимка, и тут же «Волга», резко газанув, сорвалась с места. Виктор не успел добежать до нее. Зачем-то я сделала еще кадр, как он остановился на дороге и махнул рукой.

Больше Виктору торопиться смысла не было, и он не спеша пошел ко мне, совершенно не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Водители проезжающих мимо автомобилей почему-то не решались связываться с Виктором и, притормаживая, пропускали его.

Глава 3

Я позвонила и вызвала милицию из ближайшего телефона-автомата. Ближайшим, конечно же, его можно было назвать только условно: идти до него пришлось пятнадцать минут. Ромка меня сопровождал, а Виктор вернулся к дому. Я его не просила об этом, он зачем-то сам захотел.

– Ольга Юрьевна! – обратился ко мне Ромка, когда я начала набирать второй номер по телефону.

– Что тебе? – спросила я.

– А вы расскажете, что это я организовал вашу встречу? – спросил Ромка.

Я бросила на него короткий взгляд и поняла, что Ромкин вопрос помог мне решить для себя один мой собственный, личный и важный. Константин

доверился мне, случилось такое несчастье, и я пока не могла решиться обращаться за помощью в розыске убийц к милиционерам, которых Константин и не любил и боялся. Мне казалось, что будет умнее, если я сначала сама переговорю с Юрием, запишу и его рассказ на диктофон, ну а затем со всеми данными пойду на поклон к одному моему знакомому громогласному майору. И хоть майор Здоренко первым и вторым делом обругает меня последними словами, но потом сделает все, что надо, и даже больше.

Прокрутив все это в голове, я поняла, что надо ответить Ромке.

– Я следователю ничего не буду говорить. А ты скажешь, что никакого разговора вообще не состоялось. Не успели еще поговорить. – Я решительно набрала номер телефона Фимы Резовского. – Ну словом, мы только пришли, Константин попросил подождать, вышел, и тут все произошло. Ясно?

– Еще бы! – ответил Ромка.

Фима был моим старинным приятелем. Он работал адвокатом, выполнял для меня всякие юридические поручения и, когда не был занят и не занудствовал, что с ним случалось частенько, был весьма приятным парнем. Сейчас мне были нужны его услуги профессионального порядка, так как мне не хотелось надолго задерживаться в обществе оперативников и следователей, и только Фима мог помочь сократить время общения с ними.

Его не оказалось на работе – и тут я вспомнила, что уже некоторым образом наступил вечер, – и мне пришлось перезванивать ему на сотовый. В отличие от моей мобилы, его оказалась целой, и я услышала Фимин голос после второго же сигнала.

– Фима, это я! – сразу же заторопилась я сообщить информацию. – Мне очень некогда, так что слушай внимательно.

– Ей некогда! Ей некогда, а мне от этого печально! – как всегда, с подчеркнутым театральным пылом провозгласил Фима. – Печально, потому что некогда мне, Оленька! Мне, а не тебе! Передо мною сейчас стоит тарелочка...

– С голубой каемочкой? – перебила я Фимину болтовню. – Хватит трепаться! Меня сейчас могут так крепко взять за жабры, что выпустят только к утру, если

повезет, а я хочу спать дома! А перед сном мне еще кое-какие дела нужно разрулить! Ты приедешь?

– Куда ж я денусь, мечта моя! – обреченно вздохнул Фима. – Уже приподнимаюсь над стулом, как над суетой, и надеюсь, что хоть когда-нибудь ты меня оценишь по достоинству. Я имею в виду, что меня с моими достоинствами ты оценишь по достоинству.

– Считай, уже оценила, – безопасно для себя подтвердила я. Все равно, когда он приедет, можно будет сказать, что я или забыла, или пошутила, или передумала.

Фима трагично вздохнул, а так как он вздыхал в трубку телефона, то я услышала что-то вроде взлета «Конкорда» в трехкратном переложении.

– Если бы я тебе еще и верил, – грустно произнес Фима и добавил: – А тарелочка, между прочим, не с каемочкой, а с картошечкой по-французски. Приятная штучка, скажу я тебе... Твое дело на самом деле очень спешное, или я еще успею докушать? – в Фимином голосе завибрировали жалобные нотки. – Что у тебя там стряслось, счастье мое? Ты случайно никого не изнасиловала в порядке самообороны? Нет, чтобы потренироваться сначала на мне, так ты...

– Увы, ты не подвернулся, – ответила я, – но если будешь и дальше так тянуть, то с тобой это точно произойдет, обещаю!

– Серьезно?! – воскликнул Фима самым заинтересованным тоном. – А сколько нужно потянуть, чтобы уж наверняка?

– Фи-има! – крикнула я. – Почти у меня на глазах убили человека, я вызвала милицию, и она уже должна мчаться сюда на всех парах! Преступник удрал, а я здесь жду, когда они приедут и примутся за меня!

– Кто они? – самым серьезным голосом спросил Фима. – Убийцы?

– Милиция! Оперативники! Следователи! – в негодовании крикнула я.

– Это лучше, чем убийцы, признайся! Но все равно пропала моя картошка, диктуй адрес! – крикнул Фима. – Черт с ней, с картошкой, ты дороже!

- Приятно слышать! - холодно сказала я и сообщила, где сейчас нахожусь.

- Ой, блин! Ну ты и забралась! - озадаченно пробормотал Фима. - А как-то по-другому нельзя, что ли, туда добраться?

- Можно, но в таком случае ты будешь искать три дня.

- Все! Я уже встал и иду к выходу, - доложил мне Фима, - и даже пиджак уже застегнул.

- Ну и слава богу, вешаю трубку и начинаю тебя ждать, - сказала я.

- Начинай, начинай, - пробормотал Фима. - Я вот что думаю... - его голос перешел на доверительный полусшепот. - Ты представляешь, я в эту картошку только два раза ткнул вилкой, а пришлось заплатить, словно я ее съел. Мне кажется, этот официант мою порцию сбегрит кому-нибудь как новую и даже не намекнет, что это секонд-хенд.

- А что, бывает картошка секонд-хенд? - поинтересовалась я.

- Оказывается, да. Блин, ну и прибыльный же гешефт, чтоб я так жил!..

Я положила трубку не прощаясь и отошла от телефона, стараясь быстрее вытрясти из головы весь словесный мусор, каким меня засыпал Фима. Как товарищ и адвокат Фима всегда на высоте, но как трепач он даже не на высоте, а на Джомолунгме. Недостигаем то есть.

- Ефим Григорьевич приедет? - с надеждой спросил меня Ромка, в волнении поеживаясь.

- Обещал, - ответила я. - Пошли к Виктору, а то я тоже что-то нервничать начинаю.

Мы подошли к проломанной стене кладовки, и я, приподняв полы плаща, протиснулась обратно в домик.

Все здесь оставалось, как и полчаса назад. Константин лежал на полу; старательно отводя глаза, я прошла в первую комнату и кивнула Виктору, сидевшему на диване и листавшему старый номер «СПИД-Инфо».

- Позвонили в милицию и Фиме Резовскому. Посмотрим, кто прискачет быстрее.

Виктор только поднял на меня глаза, ничем не выдав своего отношения к услышанному. Ромка, ссутулившись, покрутился около стола и тоже взял газету в руки.

- Даже читать не получается! - пожаловался он, - а можно я выйду на улицу?

- Ну да, все уйдите, а меня оставьте здесь, - возмутилась я. - Кто у нас здесь мужчина: ты или я?

Ромка открыл рот, моргнул в растерянности и тихо сказал:

- Виктор.

- Ну и ты становись им. Пора уже, - жестко призвала я.

В это время с улицы слышались голоса, потом стук в дверь, и сразу же входную дверь снаружи открыли.

- Есть здесь кто-нибудь? - услышала я низкий мужской голос, и в комнату протиснулся толстый сержант среднего роста.

- Здравствуйте, - я сделала шаг ему навстречу, - это я вам звонила.

- Ну и что? - сержант хмуро, без всякого любопытства осмотрел меня и моих спутников. - Ну и где ваш жмурик? - спросил он. - Этот, что ли? - он ткнул пальцем в Ромку. - Или тот? Все вроде трезвые...

Сержант обернулся назад и крикнул:

- Иди сюда, Колян, здесь что-то не то!

Снова повернувшись ко мне, уже более приветливо он спросил:

– Значит, это вы, девушка, вызывали наряд, утверждая, что здесь произошло убийство?

– В соседней комнате, – кивнула я, показывая на полузакрытую дверь.

В домик вошел второй сержант и, козырнув, тихо спросил у первого:

– Вроде нормальные люди, – и, обращаясь уже ко мне, пояснил: – Из этого кишлака частенько звонят хулиганы или бомжики какие-то...

Толстый его напарник в это время заглянул во вторую комнату и присвистнул:

– Ну дела, а кажись, точно ласты склеил парнишка! Огнестрельное ранение в область груди, не совместимое с жизнью! – Он вынул из кармана куртки рацию: – Тридцать первый вызывает ноль пятого...

Второй сержант, тоже посмотрев на Константина, пока первый докладывал по рации обстановку, подошел к столу и положил на него планшет.

– Бытовуха, что ли? – буднично спросил он, заинтересованно оглядывая меня и Виктора. – Тот муж, этот любовник, а вы жена, но совершенно ни при чем? Все ясно. Такая херня примерно раз в неделю творится. Осторожнее нужно быть, девушка...

Снова посмотрев на Виктора, перелистывающего «СПИД-Инфо», сержант, видимо, обидевшись на его невозмутимость, вспылил:

– Раньше листать надо было, гражданин, а теперь что толку?! Довел бабу до греха и себя до крытки, и нечего умного строить! Спиноза, блин, нобелевская!

– Вы не поняли, товарищ сержант, что здесь произошло, – вмешалась я, – мы журналисты!

Я расстегнула сумку и достала свое удостоверение, но его взял не второй сержант, а толстый, уже наговорившийся по рации.

- Как же вы сюда попали? - он недоуменно вертел в руках мои документы, потом перевел взгляд на Ромку.

- А этот парнишка тоже журналист?

- Это курьер нашей редакции, - ответила я, - а Виктор фотограф.

- Ничего себе дела! - воскликнул сержант. - Вы, значит, пишете статью, этот парень фотографирует, а вот этот малолетка уносит? Так, что ли, получается? Немедленно сдайте все фотоаппараты и блокноты! Немедленно!

- Зачем? - удивилась я. - Вот приедут оперативники, с ними и поговорим.

- Ничего руками не трогать, не ходить, не следить, не переговариваться! - сержанта словно прорвало. Он даже покраснел то ли от натуги, то ли от волнения.

- Понятно, - пробормотала я, пройдя за стол и сев на свое прежнее место.

Один сержант ушел на улицу встречать своих вызванных коллег, второй остался с нами и, оглядевшись, тоже взял в руки один из номеров «СПИД-Инфо».

Я расстегнула сумку и вынула из диктофона кассету, потом вставила в нее другую, чистую.

- Что это у вас там щелкает? - насторожился сержант, слегка отклоняясь назад и опасливо поглядывая на Виктора.

- Настроила диктофон, - ответила я, достала его и положила на стол перед собой. - Придется же давать показания.

- А-а-а, - протянул сержант, - ну это не ко мне.

В это время в прихожей слышались голоса и топот; в комнату зашли сразу несколько человек. Первым был наш толстый сержант. За ним появились трое мужчин, одетых не в форму, а в обычные куртки и пальто.

– Капитан Зеленцов, – представился старший из них и показал мне удостоверение. – Ну где тут ваш подарочек?

– Здесь, здесь, – услужливо проговорил сержант, показывая рукой на комнату.

Капитан заглянул туда и подозвал своих товарищей.

– Осмотрите все здесь внимательно, – тихо сказал он, подошел к столу, придвинул стул, сел и, улыбаясь, посмотрел на нас.

– Давайте знакомиться, какие у вас есть документы, показывайте, не стесняйтесь. Потом поговорим.

Ритуал знакомства затянулся на полчаса. Капитан Зеленцов все выпрашивал, уточнял, качал головой, два раза сказал, как ему нравится наша газета, три раза подчеркнул, как ему нравлюсь я. Ничего почему-то не сказал ни про Ромку, ни про Виктора – на них его обаяние распространяться не желало.

– Как я понял, хозяин этого дома пригласил вас для разговора, а о чем он хотел вам сказать, вы не успели понять? Правильно?

– Абсолютно, – ответила я. – К сожалению, получается, что мы зря проехали.

– Зря проехали, – задумчиво протянул капитан, поглядывая на вновь прибывших сотрудников и махая им рукой: – Привет, привет, все в ту комнату.

Повернувшись ко мне, капитан продолжил допрос:

– Непонятно как-то получается, Ольга Юрьевна, непонятно – и все тут. Вот смотрите: вы трое сидите здесь, вдруг слышите, как что-то упало за дверь. Почему же вы сразу не заинтересовались, что там происходит?

– Хороший вопрос, – усмехнулась я. – Ну вот представьте себе такую ситуацию: я к вам впервые пришла в гости или по делу, вы выходите из комнаты на минутку, я слышу, что у вас там что-то падает. Что я думаю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/aleshina_svetlana/prestuplenie-bez-nakazaniya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)